

Вдвоём они быстро управились с обедом. Наевшись, устроились на деревянном помосте под деревом и лениво поглаживали животы.

Прохладный ветерок шелестел листвой. Му Цинли, прищурившись, смотрел в небо: по лазури плыли редкие белые облака, а золотое солнце тонуло в туманной дымке над снежными пиками.

— Какое оно, небо там, снаружи? — внезапно спросил он.

— Почти такое же, — Му Июань задумался на мгновение. — Разве что холод и жара там сильнее. Нет такого... уюта.

— Уюта? — Цинли усмехнулся. — С чего ты взял, что здесь уютно? Многие Небежденные дети считают это место чистилищем. Едва оказавшись здесь, они только и мечтают, как бы поскорее расстаться с жизнью.

— Это потому, что у них есть пустые надежды, — Июань повернул голову и посмотрел на него.
— А тебе разве здесь не спокойно?

— Хочешь сказать, у меня надежд нет? — Цинли бросил на него косой взгляд.

Му Июань не ответил. Он снова откинулся назад, глядя в высь.

— Мне всегда казалось, что тебе на всё наплевать. У тебя очень ровный нрав, ты много знаешь... Ещё при первой встрече я понял, что ты не такой, как другие. Знаешь, дети твоего возраста там, во внешнем мире, всё ещё канючат на руках у матерей.

— Это потому, что я — ребёнок, от которого мать отказалась. Потому что я — Небежденный ребенок, признанный таковым с самого появления на свет. Я с рождения не такой, как вы, — Цинли закрыл глаза.

Он никогда не знал материнской нежности или отцовской заботы. Он не представлял, как живут дети снаружи. Цинли знал лишь одно: раз он Небежденный ребенок, ему не суждено покинуть это место иначе как через смерть. А раз так, то какое ему дело до людей и событий там, за пределами долины?

— Прости, Цинли, — Му Июань извинился почти машинально.

— Возвращайся через пару дней домой, — Цинли повернулся к нему спиной. — Не стоит упрямяться и ссориться с семьёй из-за пустяков.

Му Июань долго молчал. Цинли решил, что тот согласен, и почувствовал мимолётный укол боли в груди. Он не успел осознать это чувство — оно растаяло, едва возникнув. Лёгкий

ветерок приятно охлаждал кожу, он почувствовал, как веки тяжелеют. Сон начал брать своё, и в полудрёме ему почудилось, будто Му Июань что-то прошептал. Слова эти, нежные, точно прикосновение лебяжьего пуха, коснулись самого сердца, но он не смог их запомнить — они так и остались погребены в глубине сна.

В итоге Му Июань так и не ушёл. И дело было вовсе не в его настырности — хотя и без неё не обошлось: когда раздражённый непонятным чувством Цинли попытался выставить гостя, оказалось, что снаружи творится нечто невообразимое.

Взглянув в сторону выхода из долины Жо, Му Цинли застыл. Снег валил стеной, огромными хлопьями — настоящая снежная буря. Путь в горы был отрезан.

— Откуда здесь такой буран? — Цинли редко подходил к выходу из долины, но в те несколько раз, что он там бывал, снег никогда не ложился таким плотным ковром.

— Должно быть, наступил двенадцатый месяц. Скоро Новый год, — Му Июань отрешённо смотрел на белое безмолвие. — В это время снега всегда самые тяжёлые.

Он замер. Му Цинли не сразу понял, что с ним.

Раз снег завалил перевалы, значит, долина Жо отрезана от мира. Семья явно не собиралась звать его домой на праздник. Эта мысль, хоть он и ожидал чего-то подобного, отозвалась резкой болью. Разве не пора было привыкнуть? Народная мудрость не лжёт: «За мачехой следует и отчим».

Отец скоро снова станет родителем. А значит, старший сын ему больше не нужен.

Му Июань невольно сжал кулаки так сильно, что ногти впились в ладони.

— На Новый год ведь положено есть пельмени? Только я не умею их лепить, — Цинли заметил его состояние и нарочно сменил тему, заговорив о пустяках.

— Не волнуйся, я умею, — Июань заставил себя улыбнуться.

«Раз я им не нужен, останусь здесь. Проведу всю жизнь в долине Жо с Цинли. Пожалуй, это не так уж и плохо».

— Хочу их прямо сегодня, — заявил Му Цинли.

— Хорошо, пойдём лепить. Только уговор: раз уж я тебя кормлю, больше не гони меня! — тут же начал торговаться Июань.

Му Цинли лишь вскинул бровь:

— Посмотрим.

И зашагал к дому.

— Эй! Так нечестно! Решено: я не уйду! — Му Июань бросился вдогонку.

Цинли промолчал.

«Всё равно когда-нибудь уйдёшь», — подумал один.

«Никуда я не уйду», — упрямылся второй.

— С какой начинкой ты любишь? — Му Июань поравнялся с ним.

— А их что, много бывает? — Цинли искренне удивился.

— Э-э... да. Но я знаю лишь несколько рецептов, — Июань вдруг вспомнил, что Цинли, скорее всего, никогда в жизни не пробовал домашних пельменей.

— Тогда делай те, что у тебя лучше всего выходят, — Цинли сделал вид, будто не заметил сочувствия в его глазах.

«Подумаешь, ел он пельмени... Тоже мне, достижение!»

— Тогда приготовим со свининой и капустой, — Му Июань услышал тихое фырканье и в замешательстве потер нос. Чем он опять его раздосадовал?

— Ладно, — кивнул Му Цинли. — Помощь нужна?

— Сначала соберём продукты. У нас ведь был кусок свежего мяса? — Июань нахмурился. — Несколько дней назад, когда я решил остаться, привезли целую свиную ногу. Куда она делась? Неужели Цинли её в одиночку съел? Да нет, не растолстел вроде...

— В погребке она, — Цинли закатил глаза. — Хватит так на меня смотреть.

Июань смущённо отвёл взгляд.

— Тогда носи кочан капусты, и начнём рубить начинку.

Они выбрали в огороде крепкий кочан и достали из погреба мясо.

— Цинли, кусок огромный. Может, разрезать его и повесить к балке? — Июань засомневался, не испортится ли мясо.

— Не нужно. Оберни промасленной бумагой и закопай в снег в ложине за домом. Заодно набери мне ведро чистого снега для воды. Кости оставь — сварим бульон.

В долине Жо царила вечная весна, но были места, где снег не таял никогда. Снеговая ложина служила Цинли естественным ледником и источником чистой воды.

— Не пропадёт? — недоверчиво спросил Му Июань.

— Ты что, дома зимой мясо в снегу не держал? — Цинли снова одарил его красноречивым взглядом. С появлением этого гостя он стал закатывать глаза подозрительно часто.

— Как-то не доводилось замечать, — признался Июань. — Мы обычно покупали свежее... Но ты, Цинли, настоящий мастер.

Он искренне восхитился. Человек, никогда не покидавший долины, обладал столькими житейскими знаниями.

— Разве ты не слышал? — Цинли лукаво прищурился. — «В книгах сокрыты яшмовые лики, в книгах стоят золотые чертоги».

Все свои знания он почерпнул из книг и чужих записей. Это и приучило его вести собственный дневник — Му Цинли записывал рецепты, надеясь, что следующему Небежденному ребенку здесь будет житья чуть легче.

Му Июань заворуженно смотрел в его сияющие глаза. Лишь спустя мгновение он опомнился, кашлянул и принялся за работу. Разделать целую свиную ногу — задача не из лёгких.

Когда нож уже коснулся мяса, Цинли добавил:

— Кожу тоже сними. Хочу сделать рулеты.

— Хорошо. А часть кожи можно мелко изрубить в начинку — так будет сочнее, — подхватил

Июань. — Помнится, в прошлый раз я видел у тебя сушёные креветки. Остались ещё?

— Есть. Нужны? — Му Цинли уже снимал с балки корзину и доставал матерчатый мешочек.

— Замочи немного. Добавим в фарш для аромата.

Му Июань ловко снял шкуру, отделил мясо от кости и нарезал его аккуратными кубиками. Часть отложил для фарша, остальное завернул в бумагу и сложил в корзину, чтобы отнести в снег. Кости порубил и поставил вымачиваться в воде.

— Шкура нужна сейчас? — спросил он, глядя, как Цинли заливает креветки водой.

— Ставь вариться, это дело долгое.

Цинли забрал свиную кожу, тщательно соскоблил остатки щетины и свернул её в тугие рулеты, перевязав бечёвкой. Затем отправил их в котел вместе с костями. Когда вода закипела, он снял пену и переставил котел на тлеющие угли, чтобы томился. После этого принялся за капусту, методично снимая лист за листом.

Му Июань тем временем взялся за фарш. Когда одна рука уставала, он переключал тесак в другую. Закончив с мясом, принялся за капусту: мелко порубил, присыпал солью, чтобы та дала сок, и хорошенько отжал. Креветки тоже пошли под нож. Воду, в которой они мкли, Цинли аккуратно слил, оставив чистый настой, а мутный осадок вылил. Разварившуюся кожу вынули и оставили остывать на доске.

Пока тесто подходило, они отнесли мясо в лощину. Проходя мимо аптекарского огорода, они увидели Серого кролика: тот объелся так, что брюхо стало круглым, как барабан. Он осилил лишь треть огромной редьки, но бросать добычу не желал, а потому уснул прямо на ней, сладко посапывая.

Корзина, подвешенная на дереве, промокла насквозь. Цинли брезгливо поморщился: «Обжора несчастный».

Жирный кролик, завидев их, отчаянно заскреб когтями по прутьям.

«Снимите меня немедленно!»

Цинли хотел было пройти мимо, но звук когтей по дереву был невыносим. К тому же в глазах наглого грызуна читалось: «Не снимешь — буду скрести до скончания веков». Пришлось выпустить бедолагу. Тот первым делом бросился к редьке, но Серый кролик, даже не просыпаясь, отвесил ему весомый пинок задней лапой.

Жирный кролик замер. В этот раз он не пускал слюни. Он плакал.

«Жена! Как ты можешь так со мной поступать?!»

Не обращая внимания на заячьи драмы, друзья вернулись на кухню. Один принялся месить тесто, другой — мелко рубить варёную кожу. Пока тесто «отдыхало», они решили перевести дух за чашкой чая.

Му Цинли заварил чай на снеговой воде. Никаких сложных церемоний, никакой изысканной посуды — просто дождался, пока вода закипит во второй раз, и бросил листья в чайник. Просто, но удивительно ароматно.

— Что это за чай? — Му Июань с любопытством заглянул в чашку. Он никогда не видел ничего подобного.

— Не знаю, — Цинли качнул головой. — Бог знает, кто из прежних жильцов посадил этот куст.

Каждый год, когда листья были самыми нежными, он собирал урожай и подсушивал их на медленном огне. Простейший сбор, простейшая сушка, простейшая заварка — но результат превосходил самые изысканные сорта.

— Очень ароматный, — Му Июань сделал глоток и замер.

— Разумеется, — Цинли улыбнулся.

От этой улыбки у Июаня перехватило дыхание. В этот миг Му Цинли показался ему удивительно похожим на этот самый чай: внешне простой, не ослепляющий красотой, но стоило распробовать его — и открывалась такая глубина, такая терпкая, благородная сладость, что хотелось испить его до самого дна. Одним глотком.

<http://bllate.org/book/17533/1706638>